

I amsterdam

Текст и фото: Владимир Абашев

Город, где велосипедов больше, чем жителей, где можно поселиться в домике-лодке на канале, где горожане заводят крохотные цветники в горшках у подъездов и не закрывают шторы на окнах, где вечно горят подсолнухи Ван Гога, и персонажи рембрандтовской ночной стражи высыпали из музея на площадь, где гомон голосов в кафе Норре под вечер в пятницу подобен морскому прибою... Город, который каждый праздник переодевается в королевский оранжевый и вспыхивает как россыпь апельсинов на свинцовой глади Северного моря, – этот город о себе говорит только в первом лице, каждому представляясь по-свойски: «I amsterdam»!

Что радикально отличает Амстердам от всех иных европейских столиц, так это отсутствие пафоса. Никакой напыщенности, никакого парада, никаких ностальгических игр в империю. А ведь была она, империя. Голландия XVII-го золотого века, хозяйка морей, центр мировой торговли. И — кажется — никакой иерархии и почтения к фасадам. Взять королевский дворец на площади Дам. Он изначала не блистал пышностью форм, скромный такой, но лидеры молодежных протестных движений 1960-х всерьез бились за то, чтобы превратить его в «Коллективный храм Санта-Клауса» и уступить сквоттерам — бездомным, самовольно заселяющим пустующие здания. Королева живет в Гааге, а дворец стоит без дела. Непорядок. Даешь молодежь!

На площади Рембрандта

Танцующий Амстердам

Впрочем, Амстердам любит своих королей, и 30 апреля, в династический день, город радостно встает на уши. Едва ли не за неделю, подобно вирусной эпидемии, по Амстердаму расплозаются оранжевые пятна — париками, галстуками, пиджаками, гирляндами, кроссовками, флагами, очками и костюмированными уличными оркестрами. Оранжевый — геральдический цвет династии Оранских-Нассау. К 30-му весь город превращается в оранжевое смеющееся людское море — пива, хохота, криков, музыки, танцев. А если кто и выделится здесь серым-коричневым-зеленым и иным неподобающего цвета пятном, того вмиг раскрасят снующие в праздничной толпе подроски с оранжевыми спреями. Так что лучше оранжеветь со всеми. Но спрей, кстати, какой-то особый и легко смыва-

ется. Да и спрыснут вас аккуратно, мазнут по щеке или ладони.

Даже Рембрандт на площади своего имени в этот день получает оранжевую ленту через плечо. А иногда его бронзовую голову укрывают оранжевым беретом. Скажете, никакого почтения к классике и национальному сокровищу? Да нет, все нормально у голландцев с патриотизмом и уважением к классике. Просто есть у них чувство юмора и нет привычки стоять по стойке «смирно» перед какими бы то ни было чинами, хотя бы и в области искусства.

Поучительна в этом смысле история с реконструкцией комплекса зданий под культурный центр Макса Эйве. Это вообще-то великий шахматист, пятый чемпион мира, гордость Голландии. Причем корону он отобрал (впрочем, всего на два года) у нашего шахматного гения

Алексея Алехина. Комплекс замечательный. Там какая-то уникальная шахматная библиотека, музей, площадка с большими шахматными фигурами. Но дело не в этом. На площадь Макса Эйве, где все это расположено, мы попадаем через помпезный неоклассический портал. Массивный фриз утвержден на стройных высоких колоннах. На фризе, как и подобает порталу в римском духе, высечена латинская надпись: «Homo sapiens non uginat in ventum». Говоря по-русски, «разумный человек не с*** против ветра». Шутка архитекторов. Их так достала волокита предстроительных согласований, что они решили сделать чиновникам мэрии сюрприз. В итоге город смеется, туристы фотографируют, и все довольны. В том числе чиновники.

Кажется, не случайно великий культуролог

Йохан Хейзинга, автор интеллектуального бестселлера об игре как основе культуры «Homo Ludens» — «Человек играющий», — был голландцем. Склонность к игре у этого народа в крови. вспомните хоть Брейгеля или малых голландцев XVII века с их сценами пирушек и сельских праздников. Тут даже дома, плечом к плечу стоящие на каналах, чуть-чуть пританцовывают: тот склонился на градус вправо, тот — влево, а этот чуть подался вперед. Это древние лиственные сваи, на которых стоит старый Амстердам, проседают со временем, и регулярный порядок дает крен. Поэтому Амстердам неповторим. Петр Великий (грандиозная выставка «Peter de Grote, een bevlogen tsar» развернута сейчас в Эрмитаже на Амстеле), влюбленный в Голландию, решил повторить Амстердам в устье Невы, и получилось нечто прямо противоположное. Ничего общего между Петербургом и Амстердамом кроме каналов нет. Да и каналы... Вроде одно и то же, а приглядишься — большая разница. Можно ли представить у набережной Фонтанки пришвартованную барку, на палубе которой разбит миниатюрный садик, а посреди садика в кресле-качалке — уютный господин с утренней газетой и чашкой кофе на столике? Это его законный и весьма, кстати, комфортный особняк. Амстердам живет на каналах. Буквально.

Как город нерегулярный, Амстердам лишен единого центра. Вернее, здесь множество центров городской жизни. Есть площадь Дам с королевским дворцом и национальным монументом, но жизнь бьет людским ключом на Лейденской площади, на площади Рембрандта. Не будем говорить о квартале красных фонарей, о кофе-шопах и прочих диковинных местах избыточной голландской толерантности — жизни там невпроворот.

А площадь Spui — Спай или, что будет поближе к подлинному звучанию, Шпай. Вот одно из уютных средоточий Амстердама. Магическая точка сборки города. Со своим лицом и судьбой, с характером. Характер у этой площади богемный и интеллектуальный. По пятницам здесь развертываются книжные ряды, по воскресеньям собираются художники, а каждый вечер университетские студенты, профессора и седые ветераны бурных 1960-х толпятся в браун-кафе Норре. На площади Шпай расположены несколько книжных магазинов, главный корпус университета и множество кафе.

Здесь бывают самые неожиданные — почти мистические — встречи. Вот почувствуешь чей-то пристальный взгляд, обернешься и остолбенеешь. Борис Рыжий, красивый двадцатидвухлетний, смотрит на тебя с большого постера на витрине книжного магазина. Трагический

Амазонки Амстердама

Борис Рыжий на площади Шпай

поэт, уходящий в легенду. Лучший голос 2000-х. Где его Свердловск, где Кыштым, за какие тыщи километров... А здесь, на площади Шпай на прилавке Athenaeum Boekhandel, книга стихов «Прощание в России»

находящая скульптура — уличный мальчишка с лукавой ухмылкой и, с вызовом, руки в боки. Сущий чертенок на вид. Его любовно называют «Het Lieverdje» — что-то вроде «постреленок» или «плутишка». Этого

сознание марихуаны. Еженедельные перфомансы Гроотвельда собирали на площади Шпай толпы молодежи — сюда стягивались скучающие городские фланеры, радикальные художники, универ-

в современную городскую культуру. Те же велосипеды. Это провы фетишистскому культу автомобиля, вытесняющего человека из города, противопоставили демократичный и экологически чистый велосипед и призвали очистить центр города от автомобилей. В конце концов так и случилось в Амстердаме, ставшем вотчиной велосипедистов.

Площадь Шпай кипит весь день как водоворот городской жизни. А совсем рядом — обитель тишины. В сплошной стене домов не сразу заметишь портал с маленькой дверью, толкнешь и окажешься за тридцать земель в зеленом треугольнике большого двора, образованного домами в два-три этажа. Мы в XVI веке. Это беги-наж — место, где селились бегинки, женщины, потерявшие мужей и посвятившие жизнь служению Христу, ставшие монашенками в миру. Они жили уединенно, помогали беднякам, ухаживали за больными. Был такой благородный орден в средневековой северной Европе.

Вот так и строится Амстердам из чередования водоворотов шумной жизни и зеленых пауз тишины. Уедешь куда-нибудь на окраину в Осдорп, в район Слотерпарка, а там на берегах зеленых каналов стоят размышляющие цапли, по газонам катаются ушастые круглые кролики, и тихие люди что-то без конца холят в своих миниатюрных садах. ☺

Завсегда ии Норре

на голландском. Здесь, в Амстердаме, Борис Рыжий оказался в хорошей компании, между бордовыми томиками стихов лорда Байрона и книжкой Анны Франк, еврейской девочки из Амстердама, пронзительный дневник которой переведен на все языки.

И место для Бориса подходящее. Площадь Шпай издавна стала центром городской богемной культуры. Важную роль в ее истории сыграл эксцентричный амстердамский художник и социальный активист Роберт Яспер Гроотвельд. Этот высокий белокурый с неумным темпераментом парень облюбовал в начале 1960-х годов площадь Spui для своих провокаций. Тут стоит небольшая, но запоми-

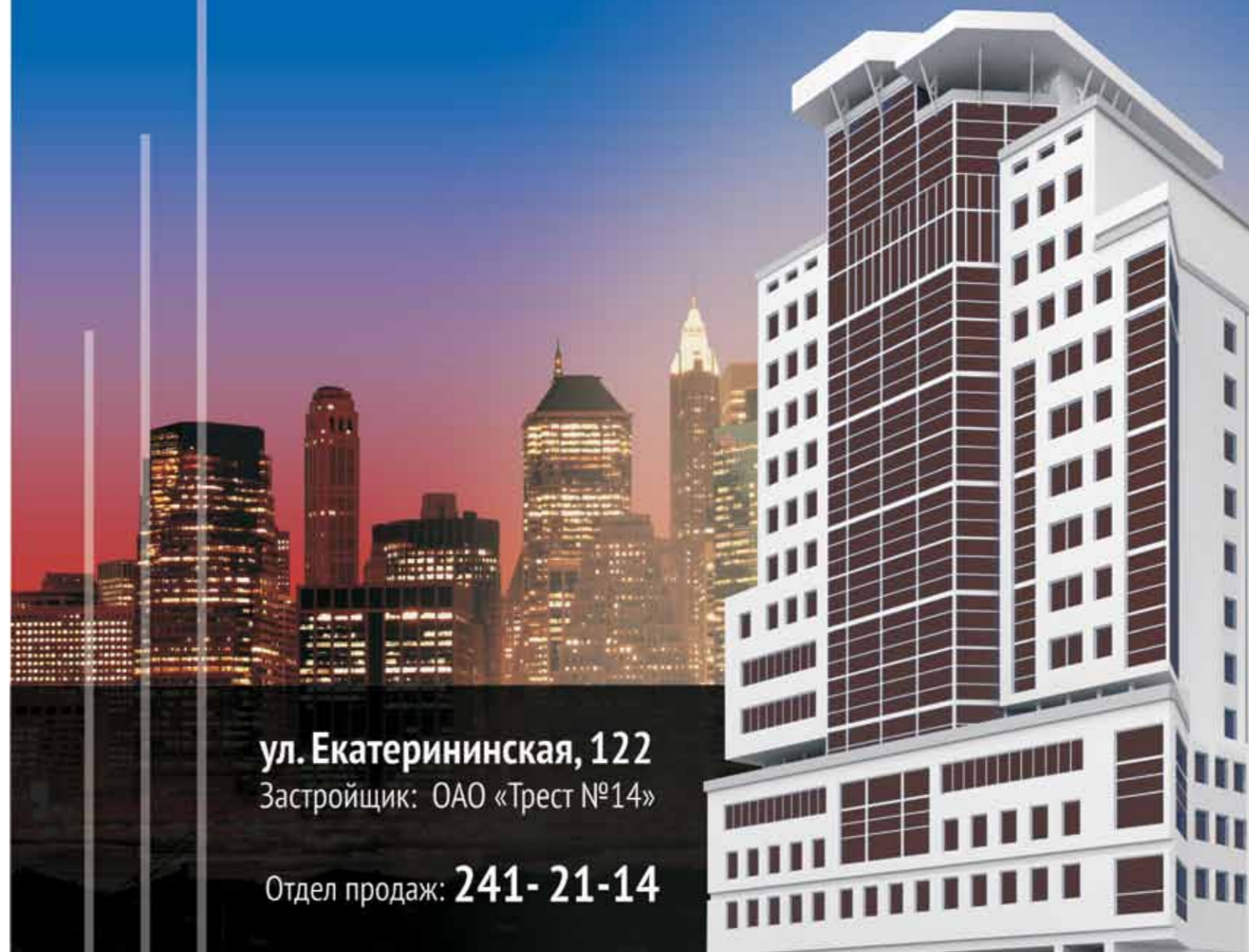
амстердамского Гавроша Гроотвельд сделал объектом своих заводных перформансов.

Скульптура была подарена городу табачной компанией. Обыгрывая этот факт, Гроотвельд объявил Het Lieverdje чем-то вроде троянского коня — это никотиновый демон, символ наступления табачных королей. Переодеваясь в причудливые белые балахоны, обвешивая себя гремющими побрякушками и вооружившись трещоткой, Гроотвельд устраивал вместе с чугунным мальчишкой что-то среднее между клоунадой и шаманским ритуалом. Он произносил экзотические проповеди против закабальной власти табачных монополий в защиту раскрепощающей

ситетские студенты, особенно с философского факультета. В дело вмешалась полиция. Полицейское насилие сплотило молодежь и спровоцировало сопротивление. Из гремучей смеси радикальных художественных идей, общественных настроений и левых политических концепций родилось одно из самых колоритных и творчески продуктивных антибуржуазных движений Европы 1960-х годов. Они назвали себя Provo (от «провокация») и провозгласили, что на смену обуржуазившемуся пролетариату идут они, провотариат — производители идей и символов, а не товаров. Кстати, многие из идей провов укоренились и позднее прочно вошли

Будь всегда в центре!

А П А Р Т А М Е Н Т Ы
М А Н Х Е Т Т Е Н

ул. Екатерининская, 122
Застройщик: ОАО «Трест №14»

Отдел продаж: 241-21-14